

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-47-56>

Научная статья / Research article

Православие в Западной Азии и Средней Азии: предыстория вопроса

Ирина Смирнова

Российская академия наук, Москва, Россия

 irinasmirnowa@mail.ru

Аннотация: Рассматривается предыстория распространения православия в Западной Азии, тесно связанная с политикой России в Средней Азии во второй половине XIX в. Прослеживаются первые миссионерские проекты в Кульдже (1851 г.) среди потомков пленных албазинцев, сосланных в 1712 г. из Пекина в китайскую Кульджу. При реконструкции истории русского церковного присутствия в Илийском крае было выявлено, что инициатива православного миссионерства в Западной Азии принадлежала известному церковному деятелю Парфению (Аггееву), была поддержана митрополитом Филаретом (Дроздовым) и доведена до внимания императора Николая I. Отмечено, что Министерство иностранных дел, отказавшись от миссионерского проекта, предложило собственную концепцию, а именно устройство православных церквей при российских консульствах и факториях в Западной Азии. Анализ официальной дипломатической корреспонденции на протяжении 1850-х – 1860-х гг. позволяет проследить процесс принятия решений в Св. Синоде и Министерстве иностранных дел в отношении православного миссионерства и показывает, что отношение российских дипломатов к миссионерству Русской православной церкви в Азии было негативным как к деятельности, способной обострить внешнеполитические отношения между Россией и Китаем. Вместе с тем подчеркнута ключевая роль устройства православных храмов при российских консульствах в Кульдже и Чугучаке в деле распространения православия в Средней Азии и Западной Азии.

Ключевые слова: православная церковь в Урге, станица Копальская, торговая фактория, русская колонизация, А.Г. Влангали, Н.А. Протасов, А.П. Толстой

Для цитирования: Смирнова И.Ю. Православие в Западной Азии и Средней Азии: предыстория вопроса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 47–56. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-47-56>

Orthodoxy in Western China and Central Asia: Historical Background

Irina Smirnova

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 irinasmirnowa@mail.ru

Abstract: The author discusses the prehistory of the spread of Orthodoxy among the residents of Western China that was inextricably linked to the policy of Russia in Central Asia in the second half of the 19th century and traces the first missionary projects carried out in Ghulja (1851) among the descendants of captive Albazianians exiled from Beijing to the Chinese Ghulja in 1712. While reconstructing the history of Orthodoxy in the Ile region, it was revealed that the initiative of Orthodox missionary work in Western China originally belonged to eminent churchman Parfeny (Aggeev); it was supported by Metropolitan Philaret (Drozdov) of Moscow and brought to the attention of Emperor Nicholas I. The study of the official diplomatic correspondence in the period of the 1850–60s showed that the atti-

© Смирнова И.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

tude of Russian diplomats to the missionary work of the Russian Orthodox Church in China was negative as this activity might exacerbate foreign policy relations between Russia and China. At the same time, the establishment of Orthodox churches at the Russian consulates in Ghulja and Chuguchak played a crucial role in the spread of Orthodoxy in Central Asia and Western China.

Keywords: Russian Orthodox Church in Urga, stanitsa Kopsalskaya, trading post, Russian colonization, A.G. Vlangali, N.A. Protasov, A.P. Tolstoy

For citation: Smirnova, Irina. “Orthodoxy in Western China and Central Asia: Historical Background.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 47–56 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-47-56>

Введение

История православного миссионерства и русских духовных миссий за рубежом привлекает в последние годы большое внимание исследователей как важная, но малоизученная сфера деятельности православной России по налаживанию духовных, культурных и гуманитарных связей среди этнорелигиозного и многонационального населения ее ближайших соседей, одним из которых является Китай. Это страна, которую исторически связывали с Россией не только экономико-политические, но и глубокие научно-культурные и гуманитарные связи. Однако если по истории Русской духовной миссии в Пекине имеется обширная историография¹, то история российского православного присутствия в Западном Китае остается недостаточно изученной, несмотря на то, что развитие церковной структуры в этом азиатском регионе имело прямое отношение к освоению Россией среднеазиатских территорий во второй половине XIX в.

Научные исследования, посвященные этой проблематике, появились значительно позже², в середине 1850-х гг. ведущие эксперты, привлеченные к разработке политического курса России в Среднеазиатском регионе, отмечали дефицит необходимых справочных изданий, сложности, возникавшие при обсуждении различных административных вопросов в связи с отсутствием знающих людей, что «чрезвычайно затрудняло разработку предмета довольно сложного и разнообразного»³.

Но и четверть века спустя ситуация, связанная с освещением в прессе среднеазиатской политики, мало изменилась. Так, в 1878 г. Д.Ф. Косицын сетовал:

¹ *Коростовец И.Я.* Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк // Русский архив. 1893. № 9. С. 57–86; *Петров В.П.* Российская Духовная миссия в Китае. Вашингтон: Издание Русского книжного дела в США, 1968; *Августин (Никитин), архим.* СПбДА и Российская духовная миссия в Пекине: Архим. Гурий (Карпов), 1814–1882 // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае / отв. ред. Н.А. Самойлов. СПб., 1993. С. 37–47; *Векшина Н.М.* Религия, политика и наука в истории Российской духовной миссии в Пекине // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 32–36; *Ли Цзинчэн.* Русская Духовная Миссия в Пекине в работах Сяо Юйцю // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки 2018. Т. 9. № 1. С. 54–62. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9106>; *Феклова Т.Ю.* Под сенью Церкви: научная деятельность Русской духовной миссии в Китае в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 139–150. <https://doi.org/10.24411/2587-8425-2020-10035>; *Самойлов Н.А.* Изучение истории Российской духовной миссии в Китае: основные направления, подходы и перспективы // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2. С. 48–76; *Петровский Д.И.* Православие в Китае: история и современность // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 84–104. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-84-104> и др.

² *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960; *Бухарин М.Д.* Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 214–222; *Васильев Д.В., Почакаев Р.Ю., Асанова С.А.* Предел империи. Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России. Вторая половина XIX в. СПб., 2021; *Васильев Д.В.* Поступь империи: Политика России в Центральной Азии: XIX – начало XX в. М.; СПб., 2022 и др.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 7 об.

Нет нигде в печати обстоятельных сведений и о том когда и кем покорена Киргизская степь, то есть все то пространство какое составляет нынешнюю Семиреченскую и большую часть Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Присоединено к России пространство большее чем от Москвы до Парижа, и однако ж совершенно неизвестно какие Черняевы или Кауфманы, и с какими войсками совершили это?⁴

Трудов же о месте и роли Русской православной церкви в этом масштабном государственном проекте по прежнему крайне недостаточно⁵, тем более отсутствуют они в зарубежной историографии, хотя литература о миссионерском присутствии западных держав в Китае достаточно обширна⁶.

Парфений (Аггеев) как инициатор миссионерского проекта в Кульдже

Особый интерес представляют материалы, собранные иноком Парфением (Аггеевым)⁷ и опубликованные в разное время в московских изданиях⁸. Человек с яркой биографией, постриженник Афона, известный как человек высокой духовной жизни, Парфений акцентировал внимание, в первую очередь, на церковной стороне дела, и, судя по отзывам современников, его повествование, как одно из первых источников по истории присоединения к России новых среднеазиатских территорий, было воспринято с большим интересом и энтузиазмом⁹.

Отправной точкой начала официальной переписки по вопросу устройства церкви в Кульдже послужила встреча о. Парфения в Томске с Порфирием Глебовичем Уфимцевым, туринским мещанином, который в качестве купеческого приказчика ездил по торговым делам из Семипалатинска в Бухарию и на северо-западную границу Китая¹⁰. В 1844–1847 гг. он трижды путешествовал с караваном по Киргизским Степям, в Бухарию, Коканд и Китай под видом татарина.

В повествовании П.Г. Уфимцева содержатся сведения о торговых маршрутах русских купцов по Бухарии, о расположении старой и малой, или новой, Кульджи, до которой приходилось «ехать на верблюдах из Семипалатинска 3 месяца», о расстоянии между ними, о численности населения («в новой Кульдже жителей тысяч

⁴ [Парфений (Аггеев), схиигумен.] Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: Рукопись инока Парфения, сообщенная Д.Ф. Косицыным // Русский вестник. 1878. № 9. С. 8.

⁵ Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900–1997). М., 1998; Плеханова А.М., Корниенко Н.Н. Православное миссионерство в Монголии // Власть. 2016. № 8. С. 122–127; Корниенко Н.Н. «А святую ту церковь построить»: из истории возведения и деятельности Свято-Троицкого храма в Урге // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 198–208.

⁶ Stock E. Chine // Montgomery H.H., Stock E. Christian missions in the Far East. London, 1905; Latourette K.S. A History of Christian Missions in China. New York, 1929; Huges E.R. The Invasion of China by the Western World. N.Y., 1968; Whyte R. Unfinished Encounter: China and Christianity. London, 1988; Charbonnier J. Histoire des Chretiens de Chine. Paris, 1992; Madsen R. China's Catholics: Tragedy and Hope in an Emerging Civil Society. Berkeley, 1998.

⁷ Схиигумен Парфений (в миру Петр Аггеев, 1806–1878), настоятель Николо-Берлюковской пустыни (1856–1860), основатель миссионерского Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря (1858–1872), миссионер. В 1847–1854 гг. находился при архиерейском доме в г. Томске; в августе 1854 г. поступил в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры.

⁸ См.: [Уфимцев П.Г.] Русские в Бухаре и в Китае. Рассказ мещанина П[орфирия] У[фимцева] иноку Парфению в Томске, в 1851 году // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1859. С. 339–347; Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: Рукопись инока Парфения, сообщенная Д.Ф. Косицыным // Русский вестник. 1878. № 9. С. 7–21.

⁹ Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи... // Русский вестник. 1878. № 9. С. 8.

¹⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 302. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 1 об.

до ста, а в старой вдвое больше»)¹¹. От Уфимцева о. Парфений узнал о его встрече в китайской Кульдже с потомками албазинцев, называвших себя «русскими и христианами». В большой (старой) и малой (новой) Кульдже в Китае, находившимися на расстоянии 30 верст, насчитывалось до 15 семей (около 50 чел.). Все они были потомками пленных албазинцев, сосланных в Западный Китай из-за недовольства ими китайского правительства в связи с требованием дать разрешение на приезд православного священника. Они полностью ассимилировались, не имея возможности бывать в Пекине и потеряв связь с «пекинскими» албазинцами в силу местных законов и из-за удаленности их места проживания от столицы.

Встреча с Уфимцевым возродила в «русских кульджинцах» надежду напомнить о себе в православной России, что позволило бы им построить церковь и иметь православного священника для наставления в вере и исправления треб¹², о чем инок Парфений сообщил в письме к митрополиту Московскому Филарету от 13 августа 1851 г. Его просьба состояла в том, чтобы привлечь авторитетного иерарха к содействию и удовлетворить желание диаспоры христиан из потомков албазинцев. Для начала он полагал достаточным направить к ним «под видом купцов» не более трех человек (священника, диакона и причетника)¹³.

Обсуждение миссионерского проекта в синодальных кругах

Филарет Московский, несмотря на сочувствие к миссионерскому делу, понимал трудность его осуществления в Западном Китае, с которым Россия лишь недавно встала на путь налаживания официальных контактов, и МИД в любых действиях, выходящих за рамки договора 1851 г., мог усмотреть политические риски¹⁴. Филарет переслал письмо Парфения обер-прокурору Св. Синода графу Н.А. Протасову, который, в свою очередь, поставил в известность императора. Из письма митрополита можно видеть критерии православной церкви в отношении миссионерства: должны быть те, кто открыт к православной проповеди и те, кто готов трудиться на миссионерской ниве. И такие люди были, как-то можно было видеть из письма о. Парфения: и он, и Уфимцев выражали готовность отправиться миссионерами в Западный Китай¹⁵. В их стремлении к миссионерскому служению Филарет усматривал черты характера, присущие православному миссионеру: усердие, смелость, самоотвержение, преданность в волю Божию, смирение¹⁶.

Признавая, что отправить миссионеров открыто «не позволят многие обстоятельства», митрополит Московский не считал невозможным подавать потомкам албазинцев «необходимую для них духовную помощь» втайне, по аналогии с тем, «как древние христиане, при неблагоприятных для веры обстоятельствах, сохраняли и распространяли ее в тайне». Признавая целесообразным предложение Парфения отправить миссионеров при торговом караване под видом купцов, Филарет предлагал обеспечить их пособием от правительства или от частных пожертвований на недорогие, пользующиеся спросом товаров¹⁷.

Были высказаны и другие рекомендации, касавшиеся миссионерской работы, устройства церкви или молитвенного дома, совершения богослужений, что, по мне-

¹¹ ОР РГБ. Ф. 302. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 11.

¹² Там же. Л. 1–2.

¹³ Там же. Ф. 316/2. К. 4. Ед. хр. 31.

¹⁴ Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867. Т. 2. СТСЛ. 2007. С. 191.

¹⁵ Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. 3. С. 470.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 470–471.

нию митрополита, следовало представить на усмотрение императора. Примечательны слова Филарета о цели этого миссионерского предприятия: не только поддержание в Кульджинцах «любви к России, доселе в них не угасшей», но и «извлечение для благодетельствующей России благого воздаяния»¹⁸. Несомненно, что, обладая обширным государственным умом и дипломатическим талантом, Филарет Московский не мог не видеть безусловной пользы для России пребывания в соседствующих с Россией областях Китая преданных православных «китайцев». Во многом от того зависел успех русской торговли, в поддержку которой 25 июля/6 августа 1851 г. был подписан Кульджинский трактат, согласно которому была открыта торговля в Или (Кульчже) и Тарбагатае (Чугучаке), позволялось строительство факторий и учреждение российских консульств.

Чем закончилась переписка Филарета с обер-прокурором Св. Синода, до последнего времени было неизвестно. В издании Московской духовной академии «Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе» за 1859 г. отмечалось, что «дело, по неизвестным обстоятельствам, дальнейших последствий не имело»¹⁹. Тем не менее о последующем развитии событий в пограничном с Западным Китаем регионе можно судить по записке обер-прокурора Св. Синода графа А.П. Толстого, обнаруженной автором в фонде графа А. П. Толстого в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Документ не датирован, но его можно отнести к осени 1856 г., когда граф Толстой был назначен обер-прокурором Св. Синода (20 сентября 1856 г.) и приступил к приему дел после кончины графа Н.А. Протасова.

Позиция российских дипломатов по «миссионерскому вопросу»

Как следует из записки графа Толстого, на доклад его предшественника последовала резолюция императора Николая I: «Дело это святое, но требует большой осторожности». Озабоченность императора была вызвана политической ситуацией в Сырдарьинской области и наступательной политикой России в пределах Киргизской степи и на границах с Западным Китаем, в связи с чем император велел обер-прокурору выяснить мнение директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел В.И. Любимова и представить заключение²⁰.

Из ответа иностранного ведомства следует, что в Министерстве иностранных дел не располагали сведениями о проживании в Кульдже потомков пекинских албазинцев и рассчитывали получить необходимую информацию от вновь назначенного российского консула. Тем не менее МИД не считал возможным действовать в Западном Китае при посредстве миссионерства,

которое представило бы для нас немалые затруднения и даже, при неосторожном действии, могло бы навлечь разные неприятности²¹.

Рассматривая предположение об устройении церкви для «албазинских» китайцев, МИД напомнил, что, имея право (согласно Кульджинскому договору) устроить в Кульдже русскую факторию, в случае успешного распространения в Кульдже русской торговли можно было бы устроить при ней и церковь – «стараниями самих купцов при некотором, может быть, пособии со стороны правительства». В таком случае потомки русских албазинцев, пользуясь тем, что доступ в факторию открыт

¹⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета... С. 472.

¹⁹ [Уфимцев П. Г.] Русские в Бухаре и в Китае // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1859. С. 347.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 302. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 2 об.

²¹ Там же. Л. 3 об. – 4.

для всех китайцев, могли бы посещать факторию и церковь, без каких-либо подзрений со стороны местных властей²², а до тех пор МИД рекомендовал ограничиться сбором нужных сведений о христианах-кульджинцах.

В отношении русских, находившихся в Ташкенте и Коканде, которые также считали себя православными христианами, соблюдали церковные обряды и даже обращались, хотя и безуспешно, к своим властям с просьбой об устройстве Русской духовной миссии²³, позиция МИД была еще более жесткой: рассказ Уфимцова сочли преувеличенным, и не считали целесообразным направлять миссионеров на проповедь православия к беглым русским, скрывавшимся в среднеазиатских городах:

Полезно ли в политическом отношении заботиться о сих людях и доставлять им утешения веры и не послужит ли это к большому поощрению подобных побегов?²⁴

В связи с этим возникает вопрос – почему российский МИД, от которого в первую очередь зависело положительное решение «миссионерского вопроса», не стремился содействовать распространению миссионерства, в то время как западные державы пользовались любой возможностью для водворения своих миссионеров в самых отдаленных регионах? Ответить на этот вопрос отчасти позволяет дипломатическая переписка российских представителей в Китае с Азиатским департаментом МИД. Так, посланник в Пекине А.Г. Влангали в донесении к Н.П. Игнатьеву от 25 ноября 1863 г. по поводу строительства православной церкви в Урге отмечал, что

все должно быть произведено тихо, без шума и большой огласки и даже в постройке должна быть соблюдена скромность и простота, для того, чтобы не колоть глаза буддистскому духовенству, преобладающему в огромном количестве в Урге и имеющему там несметное число кумерен и капищ²⁵.

Влангали прилагал особые усилия к тому, чтобы священник, посланный в Монголию, не оказался из числа миссионеров, опасаясь, что от излишнего усердия миссионеров или их начальника могут возникнуть затруднения, вследствие чего

дело распространения христианства и доверие к нашему духовенству вместо того, чтобы двигаться вперед, отодвинется назад²⁶.

В донесении выражена общая позиция российских дипломатов в отношении организованного миссионерства и нежелательной реакции на него со стороны местных властей. В частности, пребывание русских миссионеров в Монголии вызывало опасение, что оно может настроить против себя буддистское духовенство и возбудить подозрение китайского правительства, которое «радо будет всякому случаю, могущему не расположить монголов к России»²⁷.

Влангали находил более целесообразным, чтобы ургинский священник имел статус не миссионера, а приходского священника с подчинением иркутскому преосвященному с тем, чтобы последний никогда не приезжал в Ургу. (Следует отметить, что позиция Влангали по миссионерскому вопросу в Китае во многом была схожей с отношением к Русской духовной миссии в Иерусалиме со стороны российских дипломатов, которые всячески старались понизить сан и статус начальника миссии – с епископа до архимандрита, а затем и до приходского священника²⁸).

²² ОР РГБ. Ф. 302. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 3 об. – 4.

²³ Там же. Ф. 316/2. К. 4. Ед. хр. 31. Л. 30.

²⁴ Там же. Л. 5 об.

²⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 574. Л. 3 об.

²⁶ Там же. Л. 5 об.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ См. подробнее: *Бутова Р.Б., Смирнова И.Ю.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (1847–1917) // Православная энциклопедия. 2020. Т. 60. С. 521–531.

Подобные меры предосторожности были вызваны опасением возбудить против русских и православных монгольских лам, а вслед за ними и жителей. Влангали писал:

Одно из главных условий успеха состоит в том, чтобы не делать из постройки храма политического вопроса, не просить разрешений у китайцев, не делать никакого шума, словом – не переносить вопрос этот на почву Пекина²⁹.

То есть на обсуждение высокой дипломатии при участии китайских властей и западных держав. При этом, как и в случае строительства церкви в Урге, устройство православного храма в Кульдже не подвергалось в МИДе сомнению как дело святое, но центр тяжести в решении вопроса переносился на консульство и устроенные при нем русские фактории.

Русские консульства и фактории в Западном Китае

После подписания в 1851 г. Кульджийского договора и открытия российских консульств в Западном Китае открылись многообещающие перспективы для развития русской торговли с Западным Китаем и Монголией, ранее встречавшей большие трудности и препятствия. Были неоспоримы и политические преимущества трактата, расценивавшегося в военных кругах в качестве «энергичного побуждения к продолжению наступательного движения в глубь Средней Азии»³⁰.

Появление российских дипломатических постов в Илийском крае имело большое, если не первостепенное значение и являлось важным этапом для российской политики не только в Китае, но и в среднеазиатском регионе, ориентированной с середины XIX столетия на стабилизацию обстановки в областях, пограничных с Киргизской степью. По справедливому замечанию Е.П. Кудрявцевой, открытие для русской торговли Синьцзяна, который «был и остается одним из узловых пунктов мировой истории»³¹, явилось

прорывом в установлении политических контактов с Цинской империей, предоставившей России благоприятные условия для развития дальнейших русско-китайских связей³².

Большие надежды возлагались на русские фактории, разрешение на учреждение которых прописывалось в отдельной статье торгового договора.

Фактории предназначались не только для поощрения самой торговли, но и «для защиты подданных наших от самовольных действий китайских местных властей»³³. Их открытие в 1852 г. вызвало большой интерес у «значительных китайских торговых домов», ранее не удостоивавших своим вниманием те рынки, где велась торговля между русским купечеством и китайцами, что по оценке барона Врангеля,

представляло столь ощутительную для торговли России с Китаем выгоду, что не могло не заставить купцов, как русских, так и китайских, обратить внимание на будущность этой торговли³⁴.

Вместе с тем актуализировался вопрос о необходимости соблюдения образцовой нравственности среди обитателей российских факторий. Как отмечал барон Врангель, необходимо, в особенности при начале торговых наших сношений с Ки-

²⁹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 574. Л. 3 об. – 4.

³⁰ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 42.

³¹ Бухарин М.Д. Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 214. <https://doi.org/10.31857/S013038640013389-5>

³² Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 216.

³³ АВП РИ. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 4. Л. 168 об. – 169.

³⁴ Там же. Л. 170.

таем, чтобы торговля наша была бы только в руках лицах, «заслуживающих уважение местных жителей»³⁵. Подобную миссию могло взять на себя православное духовенство тех церквей, которые предполагалось устроить при консульствах в Кульдже и Чугучаке.

Православие в Копале

Между тем основанное в 1847 г. небольшое укрепление у подошвы Джунгарского Алатау, известное под названием Копал, в 1848 г. было повышено в статусе до станицы Копальской, ставшей административным центром Пристава Большой орды казахов, признавших подданство России. Копал называли столицей «северных станиц» сибирского казачества. В 1853 г. там было завершено строительство православной церкви, и, как писал о. Парфений, весной 1853 г. казаки обратились к Томскому архиерею с ходатайством прислать священника и диакона и двух причетников и все необходимое для церкви, после чего в Копал был прислан священник, «пожелавший отправиться туда по охоте»³⁶, что, по словам Парфения, послужило весомой мотивацией для переселения потомков албазинцев из Кульджи в Копал³⁷.

Церкви при консульствах в Кульдже и Чугучаке

После устройства православной церкви в Копале, куда, по сведениям Парфения (Аггеева), переселились все желающие, актуальность в строительстве православного храма в Кульдже для удовлетворения церковных нужд потомков албазинцев (о чем в 1852 г. ходатайствовал митрополит Московский), казалось, отпала. Тем не менее, проект МИД, предполагавший устройство православных храмов при российских консульствах и факториях в Кульдже и Чугучаке, оставался в силе. Домовые церкви при консульствах в Илийском крае были устроены, о последней даже сохранилось свидетельство А.Г. Влангали от 17 сентября 1865 г., что

в Кульдже постройка церкви и содержание при ней причта были обеспечены купцом Кузнецовым³⁸.

В связи с тем, что руководство МИД возложило строительство церквей на русских купцов, документов об их устройении ни в АВП РИ, ни в РГВИА не сохранилось, и потому даты их устройства установить не удалось. Е.П. Кудрявцева отмечает, что

на общем плане фактории в Кульдже сразу же было выделено место для православного храма, а к 1875 г. в Чугучаке уже была построена православная церковь³⁹.

Но если с первым утверждением можно согласиться, то второе нуждается в уточнении, так как церковь в Чугучаке уже в мае 1862 г. была признана «совершенно отстроенной», и в МИД велась работа по составлению штата для ее причта на 1863 г., согласно которому годовой оклад священника составлял 500 руб. сер., псаломщика – 250, а на содержание церкви отводилось 100 руб. сер.⁴⁰

В 1864 г. в Илийском крае вспыхнуло восстание, охватившее к октябрю северную часть Синьцзяна – Кульджинскую область, а в начале ноября и Кульджу. Российская фактория в Кульдже, а затем и в Чугучаке подверглись разрушению. Консульские церкви разделили судьбу факторий и консульств. Но если позже кон-

³⁵ АВП РИ. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 4. Л. 174.

³⁶ Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи // Русский вестник. 1878. № 9. С. 14–16.

³⁷ Там же. С. 16.

³⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 574. Л. 29.

³⁹ Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 216.

⁴⁰ АВП РИ. Ф. СПб ГА IV-34. Оп. 145. Д. 1. Л. 1–3.

сульства возобновили свою работу, то церкви так и не были открыты до перехода православной общины в Кульдже под юрисдикцию епископа Туркестанского и Ташкентского, когда Илийский край оказался в составе Российской империи и сложились благоприятные условия для распространения православия: в Кульдже, в целях «усиления русской колонизации края», начала действовать духовная миссия, был разработан проект организации миссионерского дела в Туркестане. Кульджа стала первым городом, где этот проект начал реализовываться⁴¹.

Выводы

Анализ новых источников, включая переписку о Парфения (Аггеева), митрополита Филарета (Дроздова), обер-прокуроров Св. Синода Н.А. Протасова и А.П. Толстого по вопросу о распространении православного миссионерства в Западном Китае, показал многофакторность процесса принятия решения в вопросе об учреждении русских духовных миссий за рубежом, в том числе в пограничной с Россией Цинской империи.

Несмотря на наличие факторов, благоприятствовавших распространению миссионерства (в том числе существование потенциальной христианской общины – потомков пленных албазинцев, пожелавших иметь православный храм и священников из России; наличие достойных кандидатов для миссионерской работы в инородной среде), инициатива Парфения (Аггеева), поддержанная митрополитом Московским Филаретом и встретившая благожелательный отклик императора как «дело святое», не нашла одобрения в МИД.

Из официальной переписки российских дипломатов с Азиатским департаментом МИД в 1850–1860-х гг. видно, что в дипломатическом ведомстве миссионерство Русской православной церкви в Китае воспринимали как деятельность нежелательную, способную обострить и без того непростые внешнеполитические отношения между Россией и Китаем. Вместе с тем устройство православных храмов при российских консульствах в Кульдже и Чугучаке сыграло ключевую роль в формировании православной колонии в Илийском крае и в дальнейшем деле распространения православия в Средней Азии и Западном Китае.

Поступила в редакцию / Submitted: 07.11.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.01.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 19.01.2023

References

- Avgustin (Nikitin), arhimandrit. “SPbDA i Rossiiskaia dukhovnaia missiia v Pekine: Arkhim. Gurii (Karpov), 1814–1882 [SPbDA and the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing: Archimandrite Gury (Karpov), 1814–1882].” *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: 275-letie Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae* [Orthodoxy in the Far East: 275th Anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in China], 37–47. St. Petersburg: Andreev i synoviia Publ., 1993 (in Russian).
- Bukharin, M.D. “Novye dokumenty po istorii izucheniia Vostochnogo Turkestana iz Turfanskogo sobraniia [New Documents on the History of Exploration of East Turkestan from the Turfan-Sammlung].” *Modern and Contemporary History*, no. 1 (2021): 214–222, <https://doi.org/10.31857/S013038640013389-5> (in Russian).
- Charbonnier, J. *Histoire des Chretiens de Chine*. Paris: Desclée, 1992 (in French).
- Feklova, T.Yu. “Pod seniiu Tserkvi: nauchnaia deiatel'nost' Russkoi dukhovnoi missii v Kitae v XIX v. [Under the Shadow of the Church: Scientific Activities of the Russian Ecclesiastical Mission in China in the 19th Century].” *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy: scientific journal*, no. 2 (2020): 139–150, <https://doi.org/10.24411/2587-8425-2020-10035> (in Russian).
- Huges, E.R. *The Invasion of China by the Western World*. New York: [S.n.], 1968.

⁴¹ Путницев М., *прот.* К вопросу о лучшей постановке наших православных миссий. М., 1891. № 5.

- Khalfin, N.A. *Politika Rossii v Srednei Azii (1857–1868)* [Russian policy in Central Asia (1857–1868)]. Moscow: Oriental literature publishing house Publ., 1960 (in Russian).
- Kornienko, N.N. “‘A sviatuiu tu tserkov’ postroit’: iz istorii vozvedeniia i deiatel'nosti Sviato-Troitskogo khrama v Urge [‘To build that holy church’: from the history of the construction and activities of the Holy Trinity Church in Uрга].” *Christian reading*, no. 5 (2017): 198–208 (in Russian).
- Korostovets, I.Ya. “Russkaia dukhovnaia missiia v Pekine. Istoricheskii ocherk [Russian ecclesiastical mission in Beijing. Historical essay].” *Russian archive*, no. 9 (1893): 57–86 (in Russian).
- Kudryavtseva, E.P. *Ministerstvo inostrannykh del vo vtoroi chetverti XIX veka* [The Ministry of Foreign Affairs in the second quarter of the 19th century]. Moscow: MGIMO-University Publ., 2019 (in Russian).
- Latourette, K.S. *A History of Christian Missions in China*. New York: Macmillan, 1929.
- Li, Tszinchen. “Russkaia Dukhovnaia Missiia v Pekine v rabotakh Siao Yuysy [Russian Spiritual Mission in Beijing in the works of Xiao Yuiqiu].” *Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanities and social sciences* 9, no. 1 (2018): 54–62 (in Russian).
- Madsen, R. *China's Catholics: Tragedy and Hope in an Emerging Civil Society*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1998.
- Myasnikov, V.S. *Russko-kitaiskie dogovorno-pravovye akty. (1689–1916)* [Russian-Chinese legal acts. (1689–1916)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2004 (in Russian).
- Petrov, V.P. *Rossiiskaia Dukhovnaia missiia v Kitae* [Russian Ecclesiastical Mission in China]. Washington: Russian Book Publ. in the USA, 1968 (in Russian).
- Petrovskiy, D.I. “Pravoslavie v Kitae: istoriia i sovremennost' [Orthodoxy in China: History and Modernity].” *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, no. 2 (2022): 84–104, <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-84-104> (in Russian).
- Plekhanova, A.M., and Kornienko, N.N. “Pravoslavnoe missionerstvo v Mongolii” [Orthodox missionary work in Mongolia].” *Power*, no. 8 (2016): 122–127 (in Russian).
- Pozdnyayev, Dionisii, svyashchennik. *Pravoslavie v Kitae (1900–1997)* [Orthodoxy in China (1900–1997)]. Moscow: Svyato-Vladimirskoe Bratstvo Publ., 1998 (in Russian).
- Samoylov, N.A. “Izucheniye istorii Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae: osnovnye napravleniia, podkhody i perspektivy [Studying the History of the Russian Spiritual Mission in China: Main Directions, Approaches and Prospects].” *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy: scientific journal*, no. 2 (2021): 48–76, https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_2_48 (in Russian).
- Smirnova I.Yu. “Russkie Dukhovnye Missii v Pekine i Ierusalime: osobennosti reformirovaniia posle Krymskoi voiny (1850-e – 1860-e gg.) [Russian Ecclesiastical Missions in Beijing and Jerusalem: Features of Reformation after the Crimean War (1850s – 1860s)].” *Orthodox Palestinian Collection*, no. 115 (2018): 49–60 (in Russian).
- Smirnova, I. Yu., ed. *Filaret, mitropolit Moskovskii, svt. Pisima k prepodobnomu Antoniyu, namestniku Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry. 1831–1867* [Letters to St. Anthony, Vicar of the Trinity Lavra of St. Sergius. 1831–1867], vol. 2. Sergiev Posad: Sviato-Troitskaya Sergieva Lavra Publ., 2007 (in Russian).
- Stock, E. “Chine.” In Montgomery, H.H., and Stock E. *Christian missions in the Far East*. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1905.
- Vasil'ev, D.V. *Postup' imperii: Politika Rossii v Tsentral'noi Azii: XIX – nachalo XX veka* [Empire's tread: Russia's policy in Central Asia: 19th – early 20th century]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-istoriia Publ., 2022 (in Russian).
- Vasil'ev, D.V., Pochekaev, R.Yu., and Asanova, S.A. *Predel imperii. Vostochnyi Turkestan, Kul'dzha, Khunza v orbite politicheskikh interesov Rossii. Vtoraia polovina XIX v.* [Empire limit. Eastern Turkestan, Ghulja, Hunza are in the orbit of Russia's political interests. Second half of the 19th century]. St. Petersburg: Nestor-istoriia Publ., 2021 (in Russian).
- Vekshina, N.M. “Religiia, politika i nauka v istorii Rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine [Religion, politics and science in the history of the Russian Spiritual Mission in Beijing].” *Vyatka, Gerald of the Vyatka State University*, no. 1 (2018): 32–36 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Юрьевна Смирнова, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и Церкви, Институт российской истории, Российской академии наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; irinasmirnova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>

Irina Yu. Smirnova, Dr. Habil. Hist., Leading Research Fellow of the Center for the History of Religion and the Church, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 19, Dmitriia Ulianova Str., Moscow, 117292, Russia; irinasmirnova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>